

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Рухмаков Матвей Игоревич

**Восприятие блаженного Августина
в истории русской религиозно-философской мысли
второй половины XIX – первой половины XX вв.**

5.7.2. История философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва – 2025

Диссертация выполнена на кафедре истории русской философии философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

Научный руководитель: **Козырев Алексей Павлович,**
кандидат философских наук, доцент

Официальные оппоненты: **Бугай Дмитрий Владимирович,**
доктор философских наук (б/звания),
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова», философский факультет, кафедра истории зарубежной философии, доцент;

Киселева Марина Сергеевна,
доктор философских наук, профессор,
ФГБУН Институт философии Российской академии наук, отдел онтологии, теории познания и логики, сектор методологии междисциплинарных исследований человека, руководитель сектора, главный научный сотрудник;

Хондзинский Павел Владимирович,
кандидат теологии (б/звания),
ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет», богословский факультет, декан; кафедра практического богословия богословского факультета, заведующий кафедрой.

Защита диссертации состоится «6» октября 2025 г. в 15:00 на заседании диссертационного совета МГУ.057.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 (учебно-научный корпус «Шуваловский»), философский факультет, аудитория А-518 (Зал заседаний Ученого совета факультета).

E-mail: diss@philos.msu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3506>.

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук

А.П. Беседин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Масштаб и выдающаяся роль фигуры Аврелия Августина (354-430) – крупнейшего христианского мыслителя и одного из отцов Церкви, носящего в западной богословской традиции титул «святой» и, как правило, именуемого на православном Востоке «блаженным», в формировании не только средневекового, но и последующего западноевропейского мировоззрения никогда не подвергались сомнению. Со времени своего обращения в христианство в 387 г. и до своей смерти в качестве епископа Гиппона в 430 г. Августин написал около 117 книг, а также более 300 писем и 500 проповедей. Полный свод всех произведений, приписываемых Августину, столь велик, что еще в VI в. латинский церковный писатель и энциклопедист Исидор Севильский отмечал, что если кто-то скажет, что он прочитал все труды Августина, то этого человека стоит считать лжецом (хотя некоторые современные августиноведы и полагают, что данный комментарий относился не к количеству трудов учителя Церкви, а к их труднодоступности в раннем Средневековье). Аналогичную характеристику сегодня можно применить и в отношении к необозримому морю исследовательской литературы на всевозможных языках, посвященной жизни и трудам блж. Августина.

В интеллектуальном наследии видного представителя латинской патристики, пришедшемся на переходную эпоху заката античности и становления средневековой парадигмы, нашлось место для таких фундаментальных вопросов теологии, философии, общественных и гуманитарных наук, дошедших вплоть до наших дней, как церковная доктрина; природа Бога и человека; ход истории и проблема зла; отношение разума и веры; язык и структура человеческого знания; проблема пола и любви; свобода воли и детерминизм; призвание христианина в мире и основы социальной жизни; рабство и война, – и это лишь часть из них. Неслучайно по прошествии многих веков работы Гиппонского епископа остаются крайне востребованными не

только у узкого числа специалистов внутри философского и теологического сообществ, но и в целом являются неотъемлемой частью пространства христианской (или, говоря про наши дни, – постхристианской) цивилизации западного образца. Как отмечает современная исследовательница Дж. Скотт, влияние Августина резко возросло после Второй мировой войны, отразив изменчивость и двусмысленность общественной жизни в ту переходную эпоху в вопросах о моральных границах вмешательства государства, свободе воли индивида и роли гражданского общества, по аналогии с исторической эпохой в жизни Западной Римской империи IV–V веков, на которую пришлось творчество великого христианского апологета. В свою очередь, зарубежный политолог Дж. Хейкинг в своей книге об Августине следующим образом сформулировал ответ на вопрос, почему фигура христианского мыслителя спустя полторы тысячи лет по-прежнему вызывает неподдельный интерес: «Первая и непосредственная причина заключается в том, что он является одним из основателей западной интеллектуальной традиции, и западная цивилизация черпает свою форму, по крайней мере частично, из его мыслей»¹. Похожим образом обосновывалась важность изучения идей Августина в именной статье в «Православной богословской энциклопедии» А. П. Лопухина начала XX века: «Понять Августина, значит понять всю предшествующую историю философии и богословия, и в то же время причины последующих успехов христианства на Западе»².

Действительно, авторитет блаженного Августина в богословских и других вопросах был повсеместно признан в Средние века и оставался практически неоспоримым в латинском мире вплоть до XIX века. Неудивительно, что католики и протестанты в равной степени считали Августина «своим», апеллируя к разным местам из его сочинений в ходе реформаторских и контрреформаторских споров Нового времени. Но гораздо сложнее обстоят дела,

¹ Heyking J. V. Augustine and Politics as Longing in the World. Columbia, MO: University of Missouri Press, 2001. P. 1.

² Лопухин А. П. Августин // Православная Богословская энциклопедия: в 12 т. Т. 1. Пг., 1900. С. 106.

когда речь заходит о месте Августина в духовном наследии писателей христианского Востока и, в частности, о его влиянии на отечественную религиозно-философскую мысль. Наиболее распространенной является оценка, что личность и труды блж. Августина были малоизвестны как в средневековой Византии, так и на Руси (первые переводы Августиновых творений на славянский язык появляются не ранее XVI в.). Об этом с сожалением пишет французский католический византист М. Жюжи в своей статье 1930 г. «Saint Augustin dans la littérature théologique de l'Église russe» (Святой Августин в богословской литературе Русской Церкви): «Святой Августин был очень быстро забыт на Востоке, и это нанесло большой ущерб для доброго согласия двух половин христианского мира в догматической части»³. Схожую оценку можно встретить и у прот. Г. Флоровского, который замечает в статье 1934 г. «О границах Церкви», что «Августина вообще не очень знали на Востоке»⁴. Связано это прежде всего с тем, что Православная Церковь исторически более настороженно относилась к его учению, видя в августиновских трудах целый ряд спорных с точки зрения догматического богословия мест, которые перешли от него западному христианству, из-за чего имя Августина долгое время (вплоть до начала XIX в.) отсутствовало в греческом, а соответственно, и в русском литургическом календаре.

В этой связи неудивительно, что в отечественной исследовательской литературе об Августине до недавнего времени под вопросом оказывалась сама постановка проблемы о каком-либо серьезном влиянии отца Западной Церкви на русскую философскую и богословскую традицию. Так, например, В. Л. Селиверстов в своей статье «Августин в русской интеллектуальной традиции», открывающей августиновский том (2002) в популярной российской книжной серии «Pro et contra», заявляет, что, в отличие от того же «платонизма», — понятия «августинизма» в отношении к части русской философии,

³ Jugie M. Saint Augustin dans la littérature théologique de l'Église russe // Échos d'Orient. 1930. Vol. 29. №160. P. 385.

⁴ Флоровский Г., прот. О границах Церкви // Путь. 1934. №44. С. 24.

заимствовавшей какие-либо аспекты из сочинений Августина, – «просто не существует»⁵, добавляя, что «устойчивой, раз и навсегда определенной культурной ниши в русской философской и, шире, интеллектуальной традиции Августин не занял до сих пор»⁶.

Действительно, можно согласиться с тем, что в западной историографии, в том числе по указанным ранее причинам, гораздо лучше обстояли и обстоят дела с масштабом и систематичностью изучения наследия Гиппонского епископа в сравнении как с дореволюционной, так и с современной российской ситуацией, или с тем, что Августин по степени влияния на русскую мысль проигрывает тому же Платону. Однако это не означает того, что христианский мыслитель не имел какого-либо серьезного значения для истории русской философии и русского богословия или что он был неизвестен и неинтересен российским авторам вплоть до позднесоветского периода. Напротив, как будет показано далее, уже при первом более пристальном, специальном взгляде на тему открывается достаточно красочная и разноликая картина присутствия Августина в истории отечественной интеллектуальной и духовной жизни, растянувшаяся на столетия и представленная большим количеством известных и значимых философско-богословских имен, а также примечательных специальных трудов об Августине или отдельных к нему обращений, а ее высшая точка, пришедшаяся примерно на эпоху второй половины XIX – первой половины XX вв., заслуженно может носить название расцвета русской «августинианы».

Поэтому, на наш взгляд, тот или иной однозначный вывод о степени и характере влияния Августина на отечественную мысль можно было бы сделать лишь по результатам проведения комплексного исторического исследования рецепции личности христианского богослова и его идей в русской традиции, всесторонней «ревизии» обращений к августиновскому наследию, начиная с периода Древнерусского государства. Но ничего подобного до сих пор не было

⁵ Селиверстов В. Л. Августин в русской интеллектуальной традиции // Августин: pro et contra. Личность и идейное наследие блаженного Августина в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2002. С. 9.

⁶ Там же.

написано на русском или каком-либо другом языке, как и в целом тема «Блаженный Августин в восприятии русской философско-богословской мысли» остается на сегодня недостаточно изученной, особенно в рамках российской диссертационной литературы, хотя, как справедливо указывает Н. Ю. Сухова, без учета этого едва ли можно адекватно понять многие важные моменты из истории русской мысли.

Русскоязычные исследования, анализирующие те или иные отдельные отечественные рецепции Августина, занимают в настоящий момент сравнительно малую долю относительно общего объема, написанного о латинском богослове на русском в этом столетии, и их зачастую нельзя назвать исчерпывающими даже в отношении избранных отрывков русской «августинианы» и ее представителей. Кроме того, в современной литературе нередко можно наблюдать ситуацию, когда вместо рассмотрения конкретных обращений к Августину и корпусу его текстов того или иного отечественного философа или богослова, автор в своей публикации начинает навязывать последнему августиновские идеи и термины, оторванные от принципа историзма и анализа источников. Тем не менее с 2000-х гг. все же появилось некоторое количество работ российских и зарубежных специалистов, на которые можно было бы опереться как на фундамент для выстраивания более систематичного подхода к проблеме восприятия Августина и августинизма в русской традиции.

Таким образом, актуальность темы нашего исследования в особенности обусловлена тем, что на данный момент назрела очевидная необходимость в подробном научном анализе места блаженного Августина в русской религиозно-философской мысли, границ и масштабов влияния авторитетного представителя латинской патристики на нее. При этом, конечно, настоящий труд не претендует на то, чтобы полностью закрыть большой пробел, существующий в отечественной и зарубежной литературе касательно восприятия идей Августина в России, так как это потребовало бы принципиально иной степени и временных сроков разработки вопроса и едва ли является возможным в пределах одной кандидатской работы, которая скорее призвана очертить границы темы,

наметить наиболее интересные и проблемные места для ее дальнейшего историко-философского изучения. Кроме того, в исследовании мы намеренно сделали больший акцент на конкретный период русской «августинианы» (вторая половина XIX – первая половина XX вв.), который по праву может считаться ее «золотым веком», а также на его отдельных заметных представителей, таких как Б. Н. Чичерин, Е. Н. Трубецкой, И. В. Попов, хотя в обзорном плане нами обрисовывается и более общая картина присутствия Августина в русской мысли.

Характеристика источников и степень разработанности темы

Как уже было нами отмечено, на сегодняшний день проблема места наследия блаженного Августина в русской традиции, затрагивающая как вопрос о его возможном влиянии на труды русских философов и богословов, так и о собственно восприятии Августиновой личности и учения отечественными духовными и светскими авторами прошлых веков, остается в целом недостаточно исследованной. В российской дореволюционной исторической науке данная тема не получила какого-либо серьезного рассмотрения, будучи по большей части ограниченной формальными упоминаниями наиболее значимых сочинений об Августине на русском, вышедших во второй половине XIX – начале XX вв., тем не менее первый вклад в историографию вопроса был сделан уже тогда.

Так, профессор Казанской духовной академии (КазДА) Л. И. Писарев в своей статье 1903 г. «Авторитет Августина, епископа Иппонского, в области христианского богословия по суду древних христианских писателей», обращает внимание на то, что «некоторые древние ученые русские богословы были в совершенстве знакомы с творениями Августина и почерпали из них свои богословские знания»⁷, особенно указывая на фигуры Максима Грека и Феофана Прокоповича, и делает из этого вывод, что уже в древнерусской богословской литературе признавался авторитет Августина как учителя Церкви. Факты

⁷ Писарев Л. И. Авторитет Августина, епископа Иппонского, в области христианского богословия по суду древних христианских писателей. Казань, 1903. С. 13.

знакомства Московской Руси с сочинениями Августина также приводит И. А. Шляпкин в своей магистерской диссертации 1891 г. «Св. Димитрий Ростовский и его время (1651-1709)». Он в том числе одним из первых обратил внимание на августиновскую рецепцию в проповедях свт. Димитрия Ростовского. Примечателен отзыв 1911 г. профессора Петербургской духовной академии (СПбДА) Николая Глубоковского на книгу «Блаженный Августин» (1910) профессора всеобщей истории Московского университета В. И. Герье: в нем он показательно критикует историка за намеренное игнорирование им русской духовно-академической литературы о латинском богослове, подчеркивая, что «Августин изучался у нас весьма внимательно уже с 80-х годов XVIII столетия и больше всех других западных церковных мужей привлекал научно-богословскую пытливість»⁸. Кроме того, философ Э. Л. Радлов во втором дополненном издании своего «Очерка истории русской философии» (1920) укажет, что много ценных сочинений отечественных авторов было посвящено средневековой философии, – «и здесь особенно посчастливилось бл. Августину»⁹, – ссылаясь далее на соответствующие труды Герье, Гусева, Кибардина, Красина, Писарева, Попова, Скворцова и Трубецкого.

В свою очередь, основы для дальнейшего изучения знакомства Московской Руси XVI-XVII вв. с Августином были заложены выдающимся русским славистом и историком литературы, членом Императорской академии наук А. И. Соболевским в его собрании библиографических материалов с комментариями «Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков» (1903), где отдельное место им было уделено истории такого важного для русской «августинианы» текста, как «Книга святого Августина». Соболевскому, хотя тот и не восстановил детально историю памятника, принадлежат первые в исследовательской литературе гипотезы касательно авторства перевода рукописи (он предположил, что переводчик работал над текстом где-то в

⁸ Глубоковский Н. Н. Блаженный Августин в изображении русского светского историка // ТКДА. 1911. №1. С. 159.

⁹ Радлов Э. Л. Очерки истории русской философии. 2-е изд. Пг., 1920. С. 48.

середине XVI в. и был из числа приближенных кн. Андрея Курбского), на которые опирались последующие советские и российские исследователи. На книгу Соболевского также ссылается богослов А. Титов в предисловии к своей публикации 1910 г. перевода лекции французского писателя и историка А. Ф. Вильмена, посвященной жизнеописанию блаженного Августина – в нем отечественный автор решил разобрать известные ему печатные русские переводы сочинений Гиппонского епископа.

К сожалению, приходится констатировать, что в течение XX столетия русская «августиниана» так и не стала предметом специального интереса в советской или русской зарубежной историографии. Как мы можем судить, первая попытка представить в каком-либо общем виде картину присутствия блаженного Августина в русской мысли была предпринята крупным французским исследователем византийского богословия аббатом М. Жюжи в его уже упомянутой статье 1930 г. «Святой Августин в богословской литературе Русской Церкви» в журнале «Echos d'Orient» (Восточные хроники). В качестве точки отсчета взаимоотношений августинизма и русского богословия им указывается «латинское влияние» с конца XVII в. через Киевскую академию, и особенно в связи со школой Феофана Прокоповича. Тем не менее общий вывод Жюжи, что до 1839 г. знакомство в России с латинским учителем слабо продвинулось, и решающим стало выделение патристики в отдельную самостоятельную науку в рамках протасовских реформ 1840-х годов. И далее, во второй половине публикации французский автор, не проводя глубокого исследования, перечисляет знакомые ему русскоязычные переводы Августина с конца XVIII в., а также посвященные Августину книги и журнальные публикации, написанные с середины XIX и до начала XX вв., заключив в итоге, что «лучшие русские богословы XIX века цитируют его труды так же часто, как и самых известных восточных отцов»¹⁰.

¹⁰ Jugie M. Saint Augustin dans la littérature théologique de l'Église russe // Échos d'Orient. 1930. Vol. 29. №160. P. 395.

Отметим, что практически одновременно с работой М. Жюжи, в 1931 г. в львовском духовном издании «Богословие» вышла публикация местного исследователя А. Ищака «Св. Августин і Схід» (Св. Августин и Восток). Хотя большей своей частью статья посвящена отношению к Августину именно греческих отцов, в ней в числе православных писателей, высказавших похвалу Августинову учению, были названы М. Грек и Ф. Прокопович. Автором также было приведено с десяток имен русских богословов, писавших в XIX в. об Августине (в их числе и философ Евгений Трубецкой). И в том же 1931 г. в журнале при Папском университете св. Фомы Аквинского «*Angelicum*» (Ангеликум) была опубликована статья французского византиниста Северьена Салавилля «*Saint Augustin et l'Orient*» (Святой Августин и Восток), тот также в своей публикации в основном касался вопроса об авторитете Августина на православном Востоке в целом и о месте его наследия в греко-византийской традиции, но среди прочего отдельный раздел его статьи был посвящен ситуации с августиновскими переводами и исследованиями в негреческих восточных Церквях. В частности, французский автор здесь отмечает, что произведения Августина вызвали значительный интерес у русских писателей и ученых в XIX и XX веках, ссылаясь при этом главным образом на именные энциклопедические статьи о латинском учителе и обзорную работу М. Жюжи. Кроме того, в 1987 г. все в том же журнале «Ангеликум» вышла статья английского католического богослова Эйдена Николса под названием «*The Reception of St. Augustine and his Work in the Byzantine-Slav Tradition*» (Восприятие св. Августина и его трудов в византийско-славянской традиции). Как и работы предыдущих специалистов, она в основном рассматривала отношение к латинскому учителю в Греческой Православной Церкви. Относительно же царской России, с опорой все на ту же статью М. Жюжи, Николс в сжатом виде дает свою оценку ситуации с русскоязычными переводами Августина, подчеркивая монументальность переводческого проекта, задуманного и частично осуществленного в стенах Киевской духовной академии во второй половине XIX – начале XX веков, а также предлагает классификацию отечественной исследовательской литературы

об Августине по трем основным темам: тринитарному вопросу, пелагианской полемике и проблематике «Божьего Града». В целом же следует признать, что за исключением данных весьма обзорных публикаций и в зарубежной исследовательской литературе об Августине в течение XX столетия русская «августиниана» не была удостоена сколь-либо обстоятельного рассмотрения.

Определенный сдвиг в российской и западной исторической науке в контексте изучения места Гиппонского епископа в русской традиции наметился с 2000-х гг. В первую очередь здесь стоит выделить два англоязычных диссертационных исследования М. Джонс и М. Татарина, практически одновременно вышедшие в США в 2000 году. Книга Мелиссы Джонс «Augustine in Russia» (Августин в России) представляет собой большей частью обзорное исследование (она также ссылается на статью М. Жюжи): ее первая треть посвящена историософским и антропологическим взглядам самого Августина, в оставшейся же части работы в сжатом виде изложена история переводов августиновского корпуса в России в XVIII и XIX вв. и дан базовый анализ отечественных академических публикаций об Августине с середины XIX в. Отдельную главу в конце работы М. Джонс посвящает религиозной философии С. Н. Булгакова, которую она анализирует в контексте Августинова учения, проводя параллели между позднеантичным творчеством отца Церкви и борьбой Булгакова против позитивизма и материализма русской интеллигенции накануне революционных потрясений. В результате М. Джонс делает вывод о высокой в целом степени заинтересованности в трудах Августина в русском богословском дискурсе второй половины XIX – начала XX столетий. В свою очередь, Мирослав Татарин в своей монографии «Augustine and Russian Orthodoxy» (Августин и русское православие) с подзаголовком «Russian Orthodox theologians and Augustine of Hippo: a twentieth century dialogue» (Русские православные богословы и Августин Гиппонский: диалог двадцатого века) также в весьма обзорном виде затрагивает ситуацию в русской «августиниане» с XIX и до середины XX в. (в отличие от М. Джонс он практически не касается вопроса о переводах Августина в России), начиная со славянофилов и заканчивая

деятельностью Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже. Помимо двух крупных работ Татарина и Джонс, рассматривающих восприятие наследия блаженного Августина в русской традиции, этой же темы (наряду с более общим вопросом об Августине в восточно-христианской традиции) касаются англоязычные статьи таких современных североамериканских православных исследователей, как П. Галадза, В. Цветкович, Дж. Демакопулос и А. Папаниколау. Более специальному вопросу, а именно рецепции августинизма в трудах прот. Сергия Булгакова, посвящены две публикации американских теологов и философов Дэвида Данна и Роберто Де Ла Новаля, вышедшие в прошлом десятилетии.

В современной России работы, затрагивающие те или иные частные аспекты русской «августинианы», начали выходить в основном также с 2000-х годов, представляя собой в большинстве своем научные статьи об отдельных фигурах из истории русской философии и богословия, применительно к восприятию ими идей Гиппонского епископа. В частности, нами были обнаружены русскоязычные статьи по следующим персоналиям: Н. А. Бердяев и Августин; В. С. Соловьев и Августин; Симеон Полоцкий и Августин; К. Н. Леонтьев и Августин; митрополит Филарет (Дроздов) и Августин; С. Н. Булгаков и Августин; Ф. М. Достоевский и Августин; А. С. Хомяков и Августин; Вяч. Иванов и Августин; Е. Н. Трубецкой и Августин; И. В. Попов и Августин и др. Большим подспорьем, несмотря на скепсис по отношению к перспективам российского августиноведения во вступительной статье В. Л. Селиверстова, стал выход в 2002 г. антологии «Августин: pro et contra», в которой были представлены оценки многих русских мыслителей прошлого и современности в отношении августиновского наследия. Не менее важной явилась публикация в 2017 г. сборника «Блаженный Августин и августинизм в западной и восточной традициях», в который вошли доклады с двух августиновских секций 2013-2014 гг. в рамках Ежегодной богословской конференции ПСТГУ, где для нас особенно интересен третий раздел книги

«Блаженный Августин и восточная традиция», посвященный влиянию мысли Августина на русское академическое и внешкольное богословие.

Помимо статей об отдельных персоналиях из истории русской мысли, связанных с рецепцией Августина, за последние годы в свет вышел ряд публикаций отечественных специалистов, тематически охватывающих разные эпохи в становлении русской «августинианы». Так, В. В. Калугин в цикле статей, построенных вокруг выяснения истории бытования «Книги святого Августина», достаточно подробно касается присутствия Августина в духовной культуре Московской Руси XVI-XVII вв., проблеме формирования августиновского корпуса в русской книжной традиции с конца XV в. также посвящена одна из публикаций А. А. Преображенской, а в статье М. А. Корзо из упомянутого сборника «Блаженный Августин и августинизм в западной и восточной традициях» рассматривается августинизм в Киевской митрополии XVI-XVII веков. История перевода Августинова корпуса и восприятия августиновских идей в русской традиции XVIII века анализируется в публикациях П. В. Хондзинского, Н. Г. Головниной, А. Б. Салахова, П. Ю. Золотова. Эпохе расцвета русской «августинианы» второй половины XIX – начала XX веков посвящены работы Н. Ю. Суховой и Г. П. Мягкова. Кроме того, краткий, но содержательный экскурс в историю изучения блаженного Августина в России с середины XIX века предпринят в диссертационных исследованиях Е. С. Федотенкова и Т. В. Епифановой, касающихся социально-политических взглядов латинского учителя. Наконец, на сегодняшний день, наиболее развернутый в отечественной литературе обзор истории русской «августинианы» до середины XX века был осуществлен прот. Павлом Хондзинским в виде вступительной статьи к первому тому нового перевода творений блаженного Августина, изданному в 2022 году в рамках проекта богословского факультета ПСТГУ «Блаженный Августин. Собрание сочинений на русском и латинском языках».

Указанные работы российских и западных авторов составили теоретико-методологическую базу для данного исследования восприятия блаженного

Августина в русской религиозно-философской мысли второй половины XIX – первой половины XX вв. Помимо них опорными материалами для нас выступили научные статьи, монографии и сборники, посвященные жизни и взглядам отдельных русских философов и представителей духовно-академической науки, анализируемых нами в различных «августиновских» сюжетах, а также статьи и монографии о личности и учении самого Гиппонского епископа.

Цель и задачи исследования

Цель исследования заключается в реконструкции и прояснении особенностей восприятия блаженного Августина в русской религиозно-философской мысли второй половины XIX – первой половины XX вв.

Для успешного достижения обозначенной цели был сформулирован ряд **задач**:

1. Изучить деятельность по переводу на русский язык корпуса творений блаженного Августина вплоть до первой половины XX века;
2. Изучить основные произведения русской мысли, содержащие рецепцию личности и идей блаженного Августина в обозначенных временных рамках;
3. Рассмотреть влияние блж. Августина в качестве отца Западной Церкви на рецепцию его личности и учения различными отечественными авторами;
4. Рассмотреть и проанализировать специфику подходов к исследованию личности и учения блж. Августина русских философов Б. Н. Чичерина и Е. Н. Трубецкого, патролога И. В. Попова в качестве образцов отечественной рецепции христианского мыслителя второй половины XIX – первой половины XX вв.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является корпус философско-богословских текстов, касающихся восприятия блаженного Августина отечественными мыслителями вплоть до первой половины XX века.

Предмет исследования – восприятие религиозно-философского учения блаженного Августина в данных текстах.

Научная новизна исследования

1. Впервые в рамках отечественной диссертационной литературы предложен подробный историко-философский анализ восприятия блаженного Августина в русской религиозно-философской мысли.
2. В работе изучен и критически осмыслен актуальный свод русскоязычных и зарубежных исследований, посвященных восприятию блаженного Августина в отечественной интеллектуальной и духовной традиции.
3. При сохранении принципа историзма проанализирован процесс перевода и изучения текстов блаженного Августина в России до начала XX в. Определены основные события, которые повлияли на подъем русской «августинианы» и ее расцвет во второй половине XIX – первой половине XX вв.
4. Изучена малоизвестная в отечественном августиноведении рецепция Августина философом и юристом Б. Н. Чичериным в первом томе его «Истории политических учений» (1869).
5. Впервые подробно и с активным привлечением эпистолярного наследия философа проанализирована магистерская диссертация Е. Н. Трубецкого «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Мирозерцание блаженного Августина» (1892), которая до сих пор остается одним из наиболее цитируемых дореволюционных русскоязычных трудов об Августине. Исследована реакция на монографию современников Е. Н. Трубецкого по светской и богословской линиям.
6. Сопоставлены подходы к изучению личности блаженного Августина Е. Н. Трубецкого и его современника, выдающегося русского патролога и богослова И. В. Попова, чья фундаментальная докторская диссертация об Августине – «Личность и учение блаженного Августина» (1916) до сих пор остается практически не исследованной в отечественной и зарубежной литературе.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Настоящее исследование первым в рамках отечественной диссертационной литературы достаточно подробно и комплексно рассматривает проблему восприятия выдающегося христианского философа и теолога Аврелия Августина в истории русской религиозно-философской мысли, начиная с XVI и вплоть до первой половины XX века. По мнению автора, данное исследование может дополнить и систематизировать уже существующие русскоязычные и зарубежные материалы по истории русской «августинианы», углубить наше представление об августиновском влиянии на русскую мысль, открыв ранее малоизвестные эпизоды рецепции Августина в России как по светской, так и по духовно-академической линиям. Для историков русской философии отдельный интерес представляет выведенный в диссертационном исследовании на качественно новый уровень разработанности ход научных занятий Е. Н. Трубецкого 1890-х годов по истории религиозно-общественного идеала западного христианства. Положения и выводы работы могут быть использованы для дальнейших научных трудов по данной проблематике, а также быть полезными в преподавании общих и специальных учебных курсов по истории русской философии, спецкурсов по истории древнерусской мысли, истории русского богословия и духовной культуры.

Источниковая и методологическая основа исследования

Источниковую основу исследования составляют сочинения (книги, рукописи, брошюры, статьи) отечественных авторов вплоть до первой половины XX века, посвященные блаженному Августину и его религиозно-философским воззрениям, связанная с ними эпистолярная литература, а также корпус работ по истории русской философии и русского богословия.

Методологической основой диссертации являются ключевые принципы исследования историко-философской науки. На основе метода историко-философской реконструкции рассматривается присутствие и развитие идей блаженного Августина в России с XVI и до первой половины XX века. В исследовании рукописей, статей и монографий, от которых нас отделяет

большой исторический промежуток, в том числе применяются методы герменевтики, теоретического анализа текстов. Также в работе используются компаративистский, конкретно-исторический и биографический методы, нацеленные на фиксацию основных событий и сюжетов, связанных с примечательными отечественными рецепциями блж. Августина в указанный временной период.

Положения, выносимые на защиту

1) Исследовательский интерес к личности и наследию блаженного Августина последовательно рос в России, начиная с XVI века, несмотря на то, что его нельзя отнести к ключевым и наиболее влиятельным фигурам в истории русской религиозно-философской мысли. В результате к середине XIX века интерес к блж. Августину в русской традиции приобрел столь серьезный масштаб, чтобы можно было говорить о существовании такого отечественного историко-интеллектуального процесса как русская «августиниана». В самой истории русской «августинианы» вплоть до первой половины XX века в итоге можно условно выделить несколько этапов: «начальный» период (XVI-XVII вв.); «подготовительный» период (XVIII – середина XIX вв.); эпоху расцвета русской «августинианы» (вторая половина XIX – первая половина XX вв.).

2) К расцвету русской «августинианы» во второй половине XIX в. привели следующие предпосылки: проведение с начала XIX в. реформы российской духовной школы, серьезно повысившей качество богословского образования; появление в начале 1840-х гг. патристики в качестве отдельного предмета для Духовных академий; нарастание с конца XVIII в. переводческой деятельности в отношении корпуса текстов блж. Августина, приведшей к амбициозному проекту 1860-х гг. перевода творений Августина на русский язык при Киевской духовной академии; наконец, к середине XIX в. фигура Гиппонского епископа выходит за пределы академического богословия и становится отдельным предметом интереса в рамках светской части русского общества.

3) Автором первого светского исследования об Августине во второй половине XIX века стал видный русский философ и юрист Борис Николаевич Чичерин, посвятивший взглядам Гиппонского епископа отдельную главу в первом томе своей «Истории политических учений». Однако ввиду того, что его преимущественно критический анализ Августиновой концепции «Града Божия» являлся частью более общего историко-философского труда, данная работа осталась практически незамеченной современниками Чичерина, изучавшими наследие Августина.

4) Рецепция блаженного Августина в историко-философских трудах 1890-х годов философа и правоведа Евгения Николаевича Трубецкого, в отличие от анализа христианского мыслителя Б. Н. Чичериным, стала заметным явлением русской «августинианы» конца XIX в., вызвав ответную реакцию как в светском научном, так и в духовно-академическом сообществах. В частности, в конце XIX – начале XX вв. на работы Трубецкого откликнулись богослов А. П. Лопухин, философ Э. Л. Радлов, историк В. И. Герье, патролог И. В. Попов.

5) Магистерская диссертация «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Мирозерцание блаженного Августина» Евгения Трубецкого была написана автором преимущественно под влиянием религиозно-философской идеи Богочеловечества его старшего товарища, философа Владимира Соловьева и соловьевского «теократического проекта», что главным образом и определило специфику восприятия в данной работе личности и религиозно-философского учения Августина в качестве «апологета латинства» и «родоначальника средневековой теократии».

6) Выдающийся русский патролог начала XX в. Иван Васильевич Попов в своей докторской диссертации «Личность и учение блаженного Августина» помимо подробнейшего рассмотрения гносеологических и онтологических воззрений отца Западной Церкви, также предложил собственный подход к пониманию религиозно-интеллектуальной личности Августина, основанный на выявлении и признании в первую очередь

оригинальных психологических черт характера христианского мыслителя, выделявших его на фоне эпохи.

7) Профессор И. В. Попов выдвинул свой историко-психологический подход в первой главе книги в качестве альтернативы распространенному в исследовательской литературе об Августине конца XIX – начала XX вв. объяснению особенностей августиновского мирозерцания, исходя из идеи социально-исторической обусловленности, которое из отечественных авторов разделял тот же Е. Н. Трубецкой.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Достоверность и обоснованность результатов достигается автором за счет ясности и обоснованности методологической базы исследования, опоры на широкий круг первоисточников, составляющих наследие Аврелия Августина, обширный историко-философский материал на русском и иностранных языках.

Всего соискатель по теме диссертации имеет 4 работы (общим объемом 3,8 п.л.), все они опубликованы в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

Диссертационная работа прошла обсуждение на заседании кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и получила положительное заключение.

Материалы и положения диссертации прошли апробацию на конференциях всероссийского и международного уровней, в том числе:

- Рухмаков М. И. Рецепция блж. Августина в работе Е. Н. Трубецкого «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V в. Мирозерцание Блаженного Августина». XXVIII международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2021», МГУ им. М. В. Ломоносова, 13 апреля 2021.

- Рухмаков М. И. Опыт изучения и рецепции идей блаженного Августина в России. X научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска – 2022», МГУ им. М. В. Ломоносова, 8 декабря 2022.

- Рухмаков М. И. Учение блаженного Августина о Церкви и Государстве в восприятии русской историко-философской мысли (по оценке философа и правоведа Б. Н. Чичерина). XXX международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2023», МГУ им. М. В. Ломоносова, 20 апреля 2023.

- Рухмаков М. И. О переписке братьев Трубецких в контексте исследования философско-богословского наследия Августина Блаженного. X международная научная конференция «Маргиналии-2023: границы культуры и текста», Арзамасский филиал ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 22 сентября 2023.

- Рухмаков М. И. Проблема свободы совести как христианской ценности в религиозно-философском наследии Аврелия Августина (взгляд русского философа и правоведа из XIX века). Всероссийская научная конференция «Христианизация общества и культуры: от древности к современности. К 15-летию со дня кончины проф. Игоря Сергеевича Чичурова», ПСТГУ, 14 ноября 2023.

- Рухмаков М. И. Блж. Августин в русской философской и богословской мысли XVIII – первой половины XIX в. Всероссийская научная конференция «Догмат в истории», ПСТГУ, 12 ноября 2024.

Структура исследования

Структура работы соответствует целям и задачам исследования и состоит из введения, трех глав, состоящих совокупно из восьми параграфов, заключения и списка использованной литературы.

II. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **введении** диссертации обоснована актуальность темы диссертационной работы, сформулированы ее цели и задачи, объект и предмет исследования, описана ее научная новизна, показаны практическая и теоретическая значимость, методологические и теоретические основания исследования, определены основные положения, выносимые на защиту, а также рассмотрена степень разработанности темы.

Первая глава диссертации «Русская "августиниана" в XVI – первой пол. XIX вв.» посвящена исследованию восприятия блж. Августина в русской религиозно-философской мысли вплоть до середины XIX в., истории появления первых переводов его трудов в России и формирования предпосылок для последующего расцвета русской «августинианы».

В первом параграфе поднимается более общий вопрос о статусе блж. Августина и его религиозно-философского наследия в восточно-христианской традиции. Указываются аспекты Августинова учения, которые, как правило, воспринимались на православном Востоке в качестве наиболее спорных с точки зрения философии и богословия. Это, в частности, учение о «двойном исхождении» Святого Духа, идея «избирательного спасения», а также августиновское понимание «первородного греха» и отношения человеческой воли с Божественной благодатью. С другой стороны, в качестве примера признания Августина одним из авторитетных учителей Церкви отмечаются его упоминания в постановлениях Вселенских Соборов с пятого по седьмой, признаваемых и Православной, и Католической Церквями. Проблематизируется вопрос о титуловании Августина – «святой» или «блаженный» и его статусе «отца Церкви» в отечественной дореволюционной традиции. Приводятся различные точки зрения по данному поводу ведущих русских ученых-патрологов и богословов начала XX века – Л. И. Писарева, Н. И. Сагарды, Н. Н. Глубоковского, А. В. Гусева, П. Я. Светлова.

Второй параграф посвящен анализу обращений к наследию блж. Августина в русской религиозно-философской мысли XVI-XVII вв. При этом отмечается, что наиболее раннее известное нам на сегодня упоминание блаженного Августина относится к одной из древнейших датированных древнерусских рукописей – «Изборнику великого князя Святослава Ярославича 1073 года». Знакомство московской книжности XVI столетия с Августиновым наследием рассматривается в связи с двумя конкретными историческими фигурами – прибывшим в 1518 г. в Москву с Афона для исправления богослужебных книг ученым монахом Максимом Греком и новгородским писцом Дмитрием Герасимовым (Толмачом). В частности, именно с их именами, по наиболее убедительной версии, связано появление на Руси в XVI в. так называемой «Книги святого Августина», содержащей «Житие Августина», два произведения Псевдо-Августина и две нравоучительные повести об Августине, переданные со слов Максима Грека. Кроме того, несколько упоминаний и ссылок на блж. Августина мы находим в религиозно-философских сочинениях самого Максима Грека, а также в полемических трудах Андрея Курбского. В отношении XVII в. указывается, что августиновские мотивы, подчерпнутые преимущественно из вторичной литературы, укрепляются в южнорусских землях во взаимодействии с латинской образованностью и в рамках богословской школы Петра Могилы. В частности, показательным здесь представляется агиографическое творчество митр. Димитрия Ростовского. В то же время в московской книжности второй половины XVII в. обращения к блж. Августину были преимущественно обусловлены идейным противостоянием «грекофилов» и «латинствующих», и наибольший интерес здесь представляет фигура Симеона Полоцкого, имевшего в своей библиотеке ряд сочинений Аврелия Августина и Псевдо-Августина и соответственно ссылавшегося на него во многих сочинениях, и в том числе в своем крупном поэтическом сборнике, получившем название «Вертоград многоцветный».

Третий параграф посвящен следующему этапу в истории русской «августинианы», когда труды христианского мыслителя, наконец, получили

официальное богословское признание, а именно ряд Августиновых сочинений вошли в начале XVIII в. в образовательную программу российской духовной школы в соответствии с «Духовным регламентом» Феофана Прокоповича. Здесь рассматриваются обращения к Августину в течение XVIII столетия таких видных духовных и светских отечественных авторов как архиеп. Феофан Прокопович, митр. Стефан (Яворский), М. В. Ломоносов, Г. Н. Теплов, Г. С. Сковорода, свт. Тихон Задонский, митр. Платон (Левшин). Проанализирован проект перевода корпуса текстов Августина и Псевдо-Августина в конце XVIII в. в новиковской типографии, а также иждивением московского купца А. С. Сыромятникова, в рамках которого впервые были переведены с латинского наиболее известные из Августиновых сочинений – «Исповедь» и «О граде Божиим». В свою очередь, к середине XIX в. нами фиксируется все больше откликов на наследие Гиппонского епископа со стороны отечественных светских ученых и философов. В этой связи анализируются различные оценки блж. Августина в трудах славянофилов и западников – И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, А. И. Герцена, Т. Н. Грановского, П. Н. Кудрявцева. Также рассматриваются обращения к Августину и рецепция его идей в трудах таких видных православных деятелей эпохи как митр. Филарет (Дроздов), архим. Иннокентий (Смирнов), архим. Гавриил (Воскресенский), затворник Задонский Георгий (Машурин), архиеп. Иннокентий (Борисов), митр. Макарий (Булгаков). Затрагивается ситуация с русскими переводами текстов латинского учителя в первой половине XIX в., в том числе так и незавершенный проект перевода «Исповеди» за авторством архим. Макария (Глухарева). В заключение в качестве важного фактора для последующего взлета русской «августинианы» указывается новый пересмотр при обер-прокуроре Св. Синода Н. А. Протасове учебных программ российских духовных школ в конце 1830-х гг., в ходе которого в Духовных академиях в качестве отдельного предмета и научной дисциплины закрепляется патристика.

Вторая глава «Блаженный Августин в трудах русских философов второй пол. XIX – первой пол. XX вв. (Б. Н. Чичерин, Е. Н. Трубецкой)»

посвящена восприятию блж. Августина в сочинениях отечественных светских ученых, философов и литераторов обозначенного периода. В центре анализа оказывается августиновская проблематика в философско-правовых и религиозно-философских трудах Б. Н. Чичерина и Е. Н. Трубецкого.

В первом параграфе отмечается, что во второй половине XIX столетия интерес к блж. Августину окончательно выходит за пределы богословия и духовно-академического изучения, становясь частью общекультурного историко-философского процесса в России. В частности, в обзорном виде рассматриваются обращения к Августину в работах таких видных русских мыслителей, литераторов и ученых второй половины XIX – первой половины XX вв., как Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. И. Герье, Вяч. Иванов, К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьев, Л. Н. Толстой, П. А. Флоренский, С. Л. Франк, Л. Шестов. Подчеркивается, что автором первого серьезного светского исследования об Аврелии Августине во второй половине XIX в. стал русский философ и правовед Б. Н. Чичерин, осуществивший историко-философский анализ ряда аспектов учения Гиппонского епископа в первом томе своего фундаментального труда «История политических учений», вышедшем в 1869 году. Выявлены особенности философско-правовых воззрений Чичерина, определившие его отношение к концепции «двух градов» блаженного Августина. В частности, Б. Н. Чичериным уделяется особое внимание полемике Августина с донатистами, поскольку проблемы свободы совести и применения государством принудительных мер в отношении раскольников и иноверцев были для русского философа крайне актуальны в контексте внутренней ситуации в Российской империи. Делается вывод, что Б. Н. Чичерин, как сторонник независимого от Церкви государства и расширения гражданских свобод, в своем историческом анализе ограничивается преимущественно критикой Августина. При этом исследование Чичерина, ввиду того, что оно не носило специального характера, осталось практически незамеченным его современниками, занимавшимися изучением августиновского наследия.

Второй параграф посвящен научным занятиям 1890-х гг. в области церковной истории философа и правоведа Е. Н. Трубецкого и их значению для истории русской «августинианы». С опорой на многолетнюю переписку братьев Трубецких восстанавливается общий ход работы Евгения Трубецкого над монографией о блаженном Августине, представленной им в ноябре 1892 г. на юридическом факультете Московского университета в качестве магистерской диссертации. Проанализированы основные влияния, подтолкнувшие Е. Н. Трубецкого в 90-е гг. к выяснению сущности теократической идеи западной Церкви и определившие специфику его историко-философской рецепции епископа Гиппонского – в первую очередь в лице его старшего товарища, философа Владимира Соловьева. Отмечается, что в дальнейшем, уже во время работы над «Мирозерцанием Вл. С. Соловьева» в 1910-е гг. сам Е. Н. Трубецкой описывал значение своего прежнего исследования религиозно-общественного идеала западного христианства в двух частях как подготовительную ступень для последующей критики соловьевской «теократической утопии». Изучено то, как исследование отечественного автора об Августине было принято его современниками по светской и богословской линиям. В частности, рассматриваются и наиболее ранние отзывы на магистерское сочинение Евгения Трубецкого за авторством переводчика и богослова А. П. Лопухина, официальных оппонентов Трубецкого на защите диссертации – философа Л. М. Лопатина и юриста Н. А. Зверева, а также историка П. Г. Виноградова и философа Э. Л. Радлова, и последовавшие спустя годы отклики со стороны духовно-академических специалистов – профессора КазДА Н. П. Родникова, профессора СПбДА Н. Н. Глубоковского и доцента КазДА П. И. Верещацкого. Отдельно принимается во внимание то, какую роль в творческой истории «Мирозерцания блаженного Августина» сыграл старший брат Е. Н. Трубецкого – философ С. Н. Трубецкой, поскольку именно он выступил первым читателем будущих глав диссертации и соответственно их неформальным рецензентом в ходе переписки с братом. Отмечается, что для своей докторской диссертации Е. Н. Трубецкой выбирал между тремя

потенциальными темами: янсенизм как течения в католицизме, кальвинизм как течения в протестантизме и вторым томом труда о генезисе средневековой теократии, остановившись к концу осени 1893 г., не без влияния С. Н. Трубецкого и В. С. Соловьева, именно на идейном продолжении магистерского труда. Сделав предметом нового исследования борьбу за инвестицию в XI веке, для Евгения Трубецкого было важно показать преемственность двух своих работ, поэтому правовед специально делает акцент на тех местах в творениях папы Григория VII и его современников, которые, по его мнению, соответствовали сформулированной еще блаженным Августином теократической программе. В контексте августиновской проблематики актуализируется переписка 1897-1898 гг. Е. Н. Трубецкого с приват-доцентом кафедры всеобщей истории Харьковского университета А. С. Вязигиным, выступившем одним из рецензентов на «Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI веке». Приводится отзыв Владимира Соловьева на докторскую диссертацию Трубецкого, а также то, как данная статья была воспринята автором. Наконец, в подробностях рассмотрена журнальная полемика Е. Н. Трубецкого с его официальным оппонентом – историком В. И. Герье, последовавшая за докторским диспутом 1897 года, в ходе которой, в том числе поднимался вопрос о степени влияния Августиновых трудов на последующий облик средневековой теократической идеи.

Третий параграф посвящен анализу монографии Е. Н. Трубецкого «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Мирозерцание блаженного Августина». Рассмотрена специфика подхода русского философа к личности Гиппонского епископа, где Трубецкой главным образом исходит из идеи социальной и исторической обусловленности взглядов Августина, уделяя основное внимание в вопросе формирования мировоззрения отца Западной Церкви внешним факторам – исторической эпохе, суровой африканской среде и воспитанию в семье. В качестве еще одной отличительной черты восприятия блаженного Августина отечественным автором указывается стремление Е. Н. Трубецкого системно представить мирозерцание великого

учителя Церкви, что он противопоставляет рассмотрению Августинова наследия у современных ему немецких протестантских теологов и историков, таких как Герман Рейтер и Адольф фон Гарнак. Согласно историко-философской схеме, выдвинутой Трубецким в работе, на Западе в IV-V вв. христианский идеал единой божественной организации вселенной и человеческого общества, находясь еще в процессе своего формирования, столкнулся сразу с несколькими противниками, представляющими для него угрозу на разных уровнях, и каждому из них Августином был дан отпор. Таким образом, Гиппонский епископ выступил защитником единства Боговластия против манихеев – как умозрительной системы, против донатистов – как правового порядка, против пелагиан – как религиозного идеала и, наконец, против язычников – как «Civitas Dei». Подчеркивается, что для Е. Н. Трубецкого Аврелий Августин представляет собой основной интерес в качестве апологета латинской теократической идеи в христианстве, на основании чего правовед и выстраивает свою критику различных аспектов учения христианского мыслителя. В конечном счете, с точки зрения Трубецкого, стоящего в работе на позиции религиозно-философской концепции Богочеловечества, теократический принцип Боговластия как всеобщего закона вселенной приводит Августина к фактическому упразднению в человеке свободы к добру и подмене живой личности Христа – внешним законом и порядком, что в дальнейшем было унаследовано и доведено до предела в латинском мире в Средние века.

Третья глава «Рецепция блаженного Августина в религиозно-философских трудах профессора Московской духовной академии И. В. Попова» посвящена восприятию блж. Августина и его идей в отечественной духовно-академической традиции второй половины XIX – начала XX вв., среди которой особо отмечаются патрологические исследования И. В. Попова и его фундаментальный труд «Личность и учение блаженного Августина».

В первом параграфе указываются иные возможные предпосылки, вызвавшие значительный рост интереса к епископу Гиппонскому представителей русской духовно-академической науки во второй половине

XIX в. Рассмотрена ситуация с переводом на русский корпуса сочинений блж. Августина во второй половине XIX – начале XX вв., в особенности стартовавший в 1860-х гг. при Киевской духовной академии масштабный проект перевода западных отцов на современный русский язык. В качестве еще одного аспекта подъема русской «августинианы» отмечается присутствие биографических статей об Августине почти в полутора десятках словарей и энциклопедических изданий эпохи. Наконец, в данном параграфе анализируется представленность августиновской проблематики в научных трудах учащихся и преподавателей четырех российских духовных академий – Московской, Санкт-Петербургской, Киевской и Казанской. В обзорном виде нами рассмотрены исследования по линии русского академического богословия, посвященные христианскому апологету или ставящие его наследие на одно из важных мест, за авторством: А. И. Бриллиантова, П. И. Верещацкого, Д. В. Гусева, А. Иванцова-Платонова, М. Я. Красина, А. П. Лопухина Л. И. Писарева, Н. П. Родникова, К. И. Скворцова, прот. Назария Фаворова, архиеп. Филарета (Гумилевского), Н. И. Щеголева, П. Д. Юркевича. Отдельное внимание в кругу отечественной научной литературы об Августине начала XX в. нами уделяется докторской диссертации профессора кафедры патрологии МДА И. В. Попова «Личность и учение блаженного Августина», изданной в Сергиевом Посаде в 1916 г.

Во втором параграфе рассматривается восприятие личности и религиозно-философских взглядов блаженного Августина в монографии И. В. Попова. Исследуется творческая история написания труда «Личность и учение блаженного Августина», в том числе с привлечением новейшей опубликованной эпистолярной литературы о русском богослове, приводятся различные оценки сочинения Попова его современниками. Отмечается, что автор разбирает философские и богословские воззрения блж. Августина в тесной связи с анализом процесса духовного развития его личности, где решающую роль, по мысли православного ученого, сыграли оригинальность и самобытность психологического склада Гиппонского епископа. Русский патролог выделяет три основных элемента, из которых слагается всякая личность: прирожденный

характер, воспитание и личные усилия, и рассматривает каждую из этих сторон применительно к древнехристианскому мыслителю IV-V вв. В числе ключевых черт Августинова характера Поповым называется его необыкновенная наблюдательность, впечатлительность, способность к самоанализу, искренность, врожденная нежность, дружелюбие, эстетизм, а также жажда жизни и полноты бытия. Последняя, по оценке Попова, была той главной движущей идеей, которая долгое время отваживала Августина от принятия христианства. Отдельно подчеркивается, что И. В. Попов критиковал социально-историческое объяснение генезиса мирозерцания латинского учителя, выдвинутое в современной ему научной литературе об Августине, и в том числе напрямую оспорил ряд положений из магистерской диссертации Е. Н. Трубецкого. В завершение параграфа дается обзор систематического описания Поповым во второй половине его исследования онтологических и гносеологических взглядов блаженного Августина.

В **заключении** на основе проведенной работы делаются обобщающие выводы из трех глав диссертационного исследования, отмечается высокий исследовательский потенциал темы русской «августинианы».

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя общий итог, автором диссертации подчеркивается отсутствие единодушия в оценках личности и учения блаженного Августина в отечественной религиозно-философской традиции. В частности, среди факторов, повлиявших на сложное отношение к наследию Гиппонского епископа в русской мысли, выделяется закрепившееся уже в XVI-XVII вв. определение Августина в число ярко выраженных представителей западного типа религиозности и философствования, а также отсутствие общедоступных переводов на русский язык хотя бы основных произведений из августиновского корпуса вплоть до второй половины XIX века.

В общем виде в диссертационном исследовании нами был описан и проанализирован ход русской «августинианы» от первых отдельных упоминаний и цитирований Аврелия Августина или Псевдо-Августина в начале XVI в. до содержательных научных монографий второй половины XIX – первой половины XX вв., посвященных христианскому апологету или ставящих его наследие на одно из важных мест и демонстрирующих глубокое знание как текстов самого мыслителя, так и новейших достижений зарубежной исследовательской литературы об Августине. В свою очередь, высказывается предположение, что августиноведческие труды таких заметных представителей отечественной светской и богословской науки второй половины XIX – начала XX вв. как Б. Н. Чичерин, Е. Н. Трубецкой и И. В. Попов, рассматриваемые нами в работе подробно, по отношению друг к другу могут быть осмыслены в качестве движения от философско-политического к научно-историческому пониманию в рамках русской «августинианы».

Так, если у Чичерина наследие латинского учителя воспринимается как часть общей системы изложения истории политической мысли, то князь Трубецкой делает уже конкретный шаг в сторону создания отдельного объективно-исторического исследования об Августине, однако Гиппонский епископ у него все еще рассматривается опосредованно – для раскрытия сущности средневековой теократии. И, наконец, в докторской диссертации

профессора Попова мы встречаем позицию отстраненно-объективного историка, критически воспринявшего как отечественную, так и западную августинистскую традицию. Вместе с тем особо подчеркивается различие в исследовательских оптиках Е. Н. Трубецкого и И. В. Попова как философа и богослова соответственно, отразившееся на их рассмотрении истоков мирозерцания блаженного Августина.

В конце диссертационной работы также указываются перспективы для дальнейших исследований по проблеме места Августинова наследия в отечественной религиозно-философской мысли – анализа как истории русской «августинианы» в целом, так и отдельных ее периодов, источников и авторов.

IV. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные публикации

Публикации в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова:

в рецензируемых изданиях, индексируемых в базе ядра Российского индекса научного цитирования “eLibrary Science Index”

- 1) Рухмаков М.И. Блаженный Августин в университетском курсе Б.Н. Чичерина // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2024. Т. 48. №3. С. 3–18. (EDN: MIYMCB). Импакт-фактор – 0,287 (РИНЦ). 1 п.л.
- 2) Рухмаков М.И. «Августиниана» Е.Н. Трубецкого в зеркале его современников // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6. №4. С. 184–203. (EDN: KOXVGF). Импакт-фактор – 0,147 (SJR). 1,3 п.л.
- 3) Рухмаков М.И. Евгений Трубецкой как исследователь религиозно-философского наследия блаженного Августина // Соловьевские исследования. (EDN: LYEAYD). 2022. №4 (76). С. 79–91. Импакт-фактор – 0,174 (SJR). 1 п.л.

в рецензируемых изданиях, включенных в Дополнительный список рецензируемых научных изданий по философским наукам, утвержденный решением Ученого совета МГУ имени М. В. Ломоносова:

- 4) Рухмаков М.И. Страницы русской «августинианы»: Е.Н. Трубецкой и И.В. Попов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24. №4. С. 71–78. (EDN: FNAUIN). Импакт-фактор – 0,196 (РИНЦ). 0,5 п.л.